

О. Т. Богомолов¹**ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В СВЕТЕ УРОКОВ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА**

Глобальный экономический кризис — еще одно свидетельство назревающих кардинальных перемен в мироустройстве. Они затрагивают экономическую сферу, которая вступает в стадию перехода к новым формам регулирования и следующему технологическому укладу, в котором информационные, нано- и биотехнологии приобретают стержневое значение. Но не только. Назревают важные сдвиги в общественном устройстве, зарождаются новые его модели, глобализируются производство, культура, международные отношения, складывается иная конфигурация мировых цивилизаций.

Однополярный мир, в котором гегемоном выступали США, уступает место многополярному, требующему равноправия, учета интересов и согласия большего круга стран. Политический авторитет Америки потускнел. Глобальный кризис выявил пороки современного капитализма, скроенного во многом по канонам нелиберальной идеологии, исповедуемой и пропагандируемой Америкой. Изъяны со всей очевидностью вскрылись не только в сфере финансов, денежно-кредитного и валютного оборота, что особенно очевидно, не только в производстве и торговле, но и в функционировании западной демократии. Революции в Тунисе, Египте, Ливии против авторитарных, псевдodemократических режимов всколыхнули население соседних мусульманских стран. Все больше накапливается симптомов духовно-нравственного кризиса общества в различных регионах планеты — как в развитых, так и в развивающихся и переходных. Это дает повод усомниться в адекватности вызовам XXI века господствующей в мире идеологии и политической практики.

Выдающийся социолог Питирим Сорокин еще в 40-е годы прошлого столетия писал в своем epochальном труде «Социальная и культурная динамика» о нарастающем цивилизационном кризисе, который проявляется прежде всего в культуре, мышлении, социальных отношениях. Человечество переживает ныне переходную полосу в своем миропонимании и жизнеустройстве. По мнению Э. Ласло, процесс социальной эволюции на планете подошел к критиче-

ской фазе макросдвига. Это сопровождается социальным и культурным хаосом, когда одни люди придерживаются устоявшихся взглядов и ценностей, но другие — и их все больше — пытаются найти альтернативы². Преодоление деструктивных сторон происходящего макросдвига и нахождение ответов на вызовы новой эпохи начинают занимать умы многих политиков и ученых, а также общественных кругов, хотя развитие научной и политической мысли и общественного сознания явно не поспевает за событиями.

Российские власти в поиске выхода делают ставку на инновации в научно-технической области, как мощный рычаг подъема производительности труда и жизненного уровня народа. Споры нет, это необходимо. Оправдаются ли надежды? Здесь многое зависит не только от усилий в научно-технической и экономической сферах, но и от благоприятного состояния всей общественной среды, от духовного и гуманитарного компонента развития нашей и других цивилизаций.

Многие сегодня убеждены, что человек, его культура, знания, умения, здоровье, душевное состояние имеют ключевое значение для прогресса человечества. Поэтому предлагают сделать стратегическим приоритетом инвестиции не только и не столько в новую технику, сколько в человека. Не менее важны для достижения намечаемых целей сплоченность общества, уверенность людей в справедливости и жизнеспособности общественного строя, доверие к лидерам государств, приверженность общечеловеческим нравственным ценностям. Это то, что называют социальным капиталом, наращивание которого все более становится залогом успеха всех экономических начинаний.

Словом, зреет понимание необходимости перехода к новой модели развития общества и экономики. Этот переход начинается с переосмысления идеологических постулатов, с духовного возрождения и обновления людских сообществ. И в этом деле интеллектуальные контакты и обмен опытом между представителями различных цивилизаций способны помочь нахождению правильных решений. Уже появились любопытные и поучительные свидетельства того, что поиск начался.

Журнал «Экономист», например, на обложке одного из своих номеров поместил изображение тома «Современной экономической теории», а ниже надпись крупным шрифтом: «Что в ней ошибочно и как кризис меняет ее». В этом журнале утверждается, что макроэкономика, изучающая функционирование экономики страны в целом и такие общие процессы и явления, как инфляция, безработица, экономический рост и тому подобное, подлежат сегодня «оправданному и серьезному пересмотру»³. Прочестъ на страницах этого либерального журна-

¹ Академик Российской академии наук, советник РАН, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, заведующий кафедрой мировой экономики Государственного университета управления, доктор экономических наук, профессор. Избирался в 1989 г. депутатом Съезда народных депутатов СССР и в 1993 г. — Государственной Думы РФ. Автор свыше 600 публикаций, в т. ч. книг: «Реформы глазами американских и российских ученых», «Реформы в зеркале международных сравнений», «Моя летопись переходного времени», «Раздумья о былом и насущном», «Мировая экономика в век глобализации», «Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние» и др. Почетный президент Международной ассоциации экономических наук; дважды избирался членом Исполнительного комитета Международного совета по общественным наукам при ЮНЕСКО; почетный профессор Будапештского экономического университета и Нанькайского университета в КНР. Награжден орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени (дважды), «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» IV и III степени.

² Ласло Э. Макросдвиг. М., 2004. С. 26

³ The Economist. 2009. July 28th.

ла подобные слова — настоящая сенсация, которую некоторое время тому назад трудно было даже предвидеть. Лауреат Нобелевской премии по экономике Поль Кругман отмечает, что «за последние 30 лет макроэкономика была в лучшем случае впечатляюще бесполезна, а в худшем просто вредна». Другой нобелист Джозеф Стиглиц констатирует «несостоятельность академической науки и фундаментальные изъяны в американской модели капитализма»¹. Ему вторит доклад ЮНКТАД «Глобальный экономический кризис: системные провалы и мультилатеральные средства лечения»², признающий, что «рыночный фундаментализм... последних 20 лет драматически провалил экзамен». Доклад связывает системные преобразования с возрастанием регулирующей роли государства. Еще определеннее высказывается журнал «Экономист»: «Мир наблюдает за восходом нового экономического гибрида, который мог бы быть назван «государственный капитализм»³. Его впечатляющим примером, по мнению журнала, служит китайская модель «государственного капитализма». Об этом же идет речь в книге Яна Бреммера «Конец свободного рынка: кто выигрывает войну между государством и корпорациями»⁴. Ту же тему рассматривает Стефан Халпер в книге «Пекинский консенсус: как китайская авторитарная модель станет доминирующей в XXI веке»⁵. Оба автора считают, что многие государства, от Латинской Америки до Среднего Востока, подражают Китаю.

Китай действительно ведет поиск модели постреформенного развития, но называет ее социалистическим гармоничным обществом. Европейцы, особенно скандинавы, практикуют то, что называется моделью государства благосостояния, а в Германии — социально-ориентированной рыночной экономикой. Эти новые видения и концепции в Европе уже прижились и во многом оправдали себя, хотя либералы утверждают, что они всего лишь временное явление и скоро наступит возврат к прежнему пониманию рыночной модели экономики.

Если глобальный кризис побуждает думающих людей в Америке и Европе к переосмыслению привычных постулатов так называемого «мейнстрима» общественной мысли, то и Россия не должна быть исключением. Ей также предстоит извлечь уроки из кризиса и определить стратегические ориентиры.

Мы в своих экономических реформах, как известно, руководствовались макроэкономикой именно американского покрова, на которую нас нацеливали Е. Гайдар, А. Чубайс и другие горе-реформаторы, не без советов из-за океана. Она завела страну в тупик. По сравнению с 1990 годом ВВП в 2010-м практически остался на том же уровне, объем промышленного производства сократился на четверть,

¹ *Stiglitz J.* Freefall: America, Free Markets and the Sinking of the World Economy. Norton, 2009. P. 361.

² *The Global Economic Crisis: System Failures and Multilateral Remedies.* N. Y., 2009. P. III.

³ *The Economist.* 2010. January 23rd–29th. P. 22.

⁴ *Bremmer I.* The End of the Free Market: Who Wins the War Between State and Corporations. N. Y., 2010.

⁵ *Halper S.* The Beijing Consensus: How China's Authoritarian Model Will Dominate the Twenty-First Century. N. Y., 2010.

а сельскохозяйственной продукции — на 40 %. Поэтому переоценка ультралиберальных рецептов составляет, на мой взгляд, один из самых важных выводов, который поможет преодолеть трудности кризисного периода. Видимо, не только в России.

В центре предстоящего переосмысления, несомненно, находится вопрос о роли государства. Архитекторы российских реформ призывали к уходу государства из экономики и не терпели никаких контраргументов. Самый действенный рычаг преобразований — государственный механизм управления и соблюдения порядка — оказался у нас разлаженным, недостаточно компетентным, разрезанным коррупцией, лишенным иммунной системы, очищающей его от пороков и пугающей от грубых ошибок. Необходимость его оздоровления и укрепления очевидна, тем более что наш частный бизнес в большинстве скомпрометировал себя ненасытной жадностью, социальной безответственностью, аморальностью, пренебрежением к национальным интересам и правопорядку. Может ли он стать ведущей силой в модернизации страны? Маловероятно.

То, что наше государство не адекватно вызовам постиндустриальной эпохи, подтверждают достаточно убедительные факты. Конституционное определение России как социального государства остается нерасшифрованным, а соображения науки на этот счет не находят официального закрепления. Население лишено важнейшего ориентира, а именно — к какому общественному устройству страна придет в результате проводимых реформ и что это даст народу. Какая форма демократии будет для нас оптимальной? Политическое и экономическое устройство американского образца не оправдывает себя на российской почве. Отсутствие ясной перспективы, веры в будущее не может не сказываться на духовном климате в стране и настроениях людей.

На современном государстве (не только у нас, но и на Западе) ложатся ответственные функции предотвращения и преодоления провалов рыночных механизмов — как в денежно-финансовой сфере, что сегодня всем очевидно, так и в других областях. Если говорить о России, то решение целого ряда неотложных задач требует участия государства. Среди первоочередных из них: преодоление опасного имущественного расслоения населения, разорительной инфляции, масштабной утечки капиталов и умов за рубеж, разгула преступности и коррупции, высокой безработицы.

В отношении социальной поляризации населения показательна констатация доклада Международного валютного фонда «Мировой социально-экономический обзор. Переоснащение мирового развития»⁶, в котором говорится: «Главный урок посткоммунистической трансформации определенно заключается в том, что государственные институты имеют критическую важность. Рынок без сильного государства приводит к замене безответственной государственной власти нерегулируемым

⁶ *World Economic Outlook Supporting Studies IMF.* 2010. P. 35.

частным обогащением, ведущим к экономическому и социальному упадку».

Мировая практика свидетельствует о возрастающем участии государства в перераспределении создаваемого дохода. За минувшее столетие доля государственного бюджета в распределении ВВП выросла в большинстве развитых стран мира с 10–20 до 50 % и более. Это происходит прежде всего в результате роста государственных расходов на образование, здравоохранение, науку, пенсии и другие социальные трансферты. Развитый мир, видимо, осознал, что только во власти государства противодействовать стихии нарастающего социального расслоения населения, гарантировать справедливый доступ людей к общественным благам и тем самым способствовать консолидации и стабильности общества.

Но для этого государство должно быть авторитетным и эффективным, выражать и защищать интересы всех слоев населения, а демократические механизмы — открытыми и действенными. Нужно взаимодействие власти с гражданским обществом, разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, демократические процедуры формирования и смены руководства.

Вмешательство государства исключительно важно и с точки зрения восстановления социальной справедливости в российском обществе, которую, к сожалению, власти не принимают seriously в расчет. Характерный пример: фактическая налоговая нагрузка 20 % населения с низкими доходами, как показывают исследования, вдвое превышает нагрузку 20 % населения с высокими доходами. Кроме того, оплата труда работников в России происходит, по большей части, вопреки экономическим и социальным основаниям. Она крайне произвольна и для многих неоправданно занижена и несправедлива.

Средняя величина заработной платы в разных рыночных системах различается в зависимости от их уровня развития. Но пропорции в оплате труда разной сложности, квалификации и интенсивности достаточно схожи. Вознаграждение ученого, конструктора, хирурга, педагога, как правило, значительно выше, чем рабочего, рядового чиновника или менеджера. В России эти соотношения могут быть обратными и сильно расходятся с мировой практикой. Многие важные для общества профессии и виды квалифицированного труда попали в разряд низкооплачиваемых. Это приводит к губительным последствиям, создает раскол и напряжение в обществе, питает коррупцию и отрицательно сказывается на производительности труда.

Нельзя признать нормальным игнорирование принципа социальной справедливости в политике, не говоря уже об официальной пропаганде. В стране наблюдаются масштабная бедность и скудость потребления миллионов граждан. Казалось бы, бережливость и скромность должны поощряться. Однако наши СМИ, особенно телевидение, всячески рекламируют и оправдывают бездумную роскошь и расточительство российских «нуборишей». Жизнь

простых людей для них малоинтересна. Верхи также не подают примера экономии и скромности. Между тем доклад Всемирного банка «Справедливость и развитие» констатирует: «При высоком уровне экономического неравенства обычно экономические институты и социальные условия систематически действуют в интересах более влиятельных групп. Такие несправедливые институты способны приводить к экономическим потерям... Предпочтения при распределении общественных услуг предоставляются богатым, а таланты средних и беднейших групп населения остаются невостребованными. Общество в целом становится тогда менее эффективным и упускаются возможности для инноваций и инвестиций»¹. Это подтверждает российская действительность. В результате кризиса производство и потребление в России сократилось значительно сильнее, чем в большинстве других стран мира, а число долларовых миллиардеров, как свидетельствует журнал «Форбс», выросло на 70 %. По их числу Россия оказалась в 2010 году на 3-м месте в мире.

Социальная справедливость — извечная нравственная норма, неотъемлемая часть религиозного сознания верующих. Без ее соблюдения не может быть здоровым нравственный климат в обществе, как невозможна и здоровая экономика. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл пишет: «Экономическая система, построенная только на стремлении к наживе, на равнодушии к судьбе человека, на пренебрежении к нравственным нормам, лишена устойчивости и может рухнуть в любой момент, погребая под своими обломками судьбы людей. Безнравственная экономика неэффективна, более того — нежизнеспособна и опасна»².

В России средний доход бедной 10-процентной части населения в 30 раз меньше среднего дохода 10-процентной части богатых, а в Москве даже в 50 раз, тогда как в ЕС этот разрыв составляет 7–10 раз, в США — около 15 раз. Беспрецедентное неравенство в распределении доходов и безучастность российского государства в его снижении до европейского уровня имеет негативные последствия для экономического роста и демографической ситуации в стране. Статистический анализ показывает, что при европейском уровне неравенства темпы роста российского ВВП в 2000–2007 годах могли бы возрасти на 30–50 %, а при годовом росте реальных доходов основной массы населения на 10 % удалось бы преодолеть процесс депопуляции страны. Для исправления положения нужен отказ от плоской и переход к прогрессивной шкале налогообложения, а также различные меры поддержки малоимущих. В США такие меры позволяют снизить неравенство между крайними 10-процентными группами населения до 15 раз, а без них оно составляло бы 68 раз. Откажись американское государство от прогрессив-

¹ Всемирный банк. Доклад о мировом развитии 2006 г. : Справедливость и развитие. С. 2.

² Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / науч. ред. О. Т. Богомолов. М., 2010. С. 113.

ного налогообложения доходов граждан, и страна пережила бы коллапс.

Российское государство в течение двух десятилетий не в состоянии пресечь бегство капиталов и умов из страны. Более того, оно пошло на неоправданную и преждевременную либерализацию в этой области. За годы перестройки и рыночных реформ отток капиталов составил, по различным оценкам, 1–2 трлн долларов. Можно оспаривать точность оценок, но в любом случае поражает количество нулей. Колоссальные потери мы понесли и от утечки умов — квалифицированных работников, инженеров, ученых не только за рубеж, но и во внутреннюю эмиграцию: торговлю и мелкий бизнес. Это связано прежде всего с невостребованностью труда ученых, неоправданно низкой их заработной платой, ликвидацией рабочих мест для высококвалифицированных работников в связи с ликвидацией и недогрузкой многих предприятий. Приходится лишь удивляться, как мы выжили после такого кровопускания.

Беспомощность российских государственных экономических и финансовых властей наблюдается и в борьбе с инфляцией. Последняя связана не столько с излишком денег в обращении, сколько с ростом издержек при производстве и сбыте товаров, а также заниженным курсом рубля, что ведет к удорожанию импорта, особенно потребительских товаров. Цены вздуваются под влиянием искусственных «накруток» алчного бизнеса, чиновничьей коррупции, вымогательства организованной преступности, растущих налогов и тарифов. Поэтому чисто монетаристские средства борьбы с инфляцией недостаточны. Много зависит от доверия к экономической и правовой системе, степени ее коррупционности и криминальности, инфляционных ожиданий населения и бизнеса. Об этом, к сожалению, забывают.

В условиях глобального кризиса инфляция в развитых странах обычно сменяется снижением цен и появлением угрозы дефляции. В 2009 году по сравнению с 2008-м индекс розничных цен в группе ведущих стран Запада имел отрицательную величину –0,1 %, в том числе в США –0,3 %, Японии –1,4 %, Швейцарии –0,5 %. В России же наблюдалась «стагфляция», когда падение ВВП не менее чем на 8 % сочеталось с ростом потребительских цен на 12 %, а корзина благ, потребляемых частью населения с низкими и средними доходами, подорожала на 20–25 %. Издержки кризиса государство и бизнес переложили на массового потребителя; это сузило внутренний рынок. В подобных ситуациях западные государства нередко прибегали к тем или иным способам государственного контроля за ценами на ключевые товары и прибылями компаний. Робкие шаги в этом направлении начинают предприниматься и в России.

Справиться с перечисленными проблемами без коррекции экономической политики и улучшения качества государственного управления не удастся. Текущие меры по преодолению остроты кризисных процессов едва ли приведут к прочному успеху, если не определить стратегические приоритеты не только и не столько в экономике, сколько в духовной и социальной сферах, что и делают сегодня многие западные лидеры. Во главу угла государственной политики ставится развитие образования, здравоохранения, науки, культуры, обучение и воспитание подрастающего поколения. Именно через это пролегает путь к обновлению общества, оздоровлению морального климата в нем и процветанию экономики. Хотелось бы, чтобы контакты и взаимодействие цивилизаций этому способствовали.